

Игорь ИРТЕНЬЕВ

Игорь Иртеньев родился в 1947 году в Москве. Закончил Ленинградский институт киноинженеров и Высшие театральные курсы. С 1993 по 2003 год — главный редактор иронического журнала «Магазин Жванецкого». С середины 80-х годов до начала 90-х был одним из основателей, а затем и председателем клуба «Поэзия». Автор более 20 поэтических книг. Стихи печатались в журналах «Арион», «Знамя», «Октябрь», «Интерпоэзия», «Урал», антологиях «Строфы века», «Самиздат века», переведены на основные европейские языки. Живет в Москве.

Богатым мне уже не быть,
А бедным я уже не буду,
Настолько, чтоб сдавать посуду.
Встает вопрос, куда ж мне плыть?

Нас было много на челне,
Но все куда-то подевались,
Порасплевались, поспивались,
И что прикажешь делать мне?

Куда его я устремлю,
К какому берегу пристану,
Когда и жизнь не по карману,
И смерть я с детства не люблю?

Вот некто в черном к нам стоит спиной,
Немолодой, усталый и больной,
И выражение говорит спины,
Что дни его, похоже, сочтены.

А некто в белом к нам стоит лицом,
И будучи изрядным молодцом,
Он чашу жизни выскребет до дна,
Какие б ни стояли времена.

Других один черт не было и нет,
Так что неважно, кто во что одет.

Опухший после многодневной пьянки,
Скорее даже, многовековой,
Идет мужик по улице Солянке,
По пыльной и булыжной мостовой,

Уверенный, что вывезет кривая,
Надеясь, как обычно, на авось,
Идет, бразды пушистые взрывая,
Куда ведет его земная ось.

Идет от заколоченных когда-то,
Видавших виды, Яузских ворот,
Примерно, в направлении заката,
Хотя, возможно, и наоборот.

Ведет его безумная химера
К метро, опять, забыл название, блин,
Ну, как его... революционера,
А, вспомнил, был логин его Ногин.

Московского душою населенья,
Служил он в состоянии живом.
Я сам москвич в тридцатом поколенье,
А как бы даже не в сороковом,

И помню град наш славный и обильный,
Гордящийся величием былым.
А не покрытый плиткою могильной,
Расползшийся безмерно Когалым.

Я помню сарафан твой штапельный,
Лица неправильный овал,
И поцелуй воздушно-капельный,
Что я тогда тебе послал,

И полутемную гостиную,
И рук твоих полукольцо,
И полумаской карантинною
Едва прикрытое лицо,

Но все равно при этом русское,
Как Балабанова кино,
Что никакой перезагрузкою,
Уж не исправить все равно,

И проще снять, наверно, заново,
Допустим, где-нибудь в Крыму.
Но что тебе до Балабанова,
Кто он тебе, кто ты ему?

А ты мне всё, если не более,
Ты мне как пуп родной земли,
Не зря тебя называли Олею,
Хотя Наташей бы могли.

А впрочем, разве дело в имени?
Гори сто лет оно огнем,
А только в сарафане синем и
Лишь в нем одном, в одном лишь нем.

Я слышал, что люди живут на Луне,
Простые советские люди,
Они глубоко отвратительны мне
И лучше о этом не будем.
Острастка печать на уста мне кладет,
Кто знает, что завтра на ум им взбредет.

Я слышал, что куры живут на Луне,
Хотя по углам и таятся,
И тайно несут по ночам в тишине
Простые советские яйца.
Без видимых, как утверждают, потуг,
Бывает, что сразу по несколько штук.

Еще на Луне есть, слышал я, козлы
И дикие лунные козы,
Что вяжут супругам морские узлы
Под общим советским наркозом.
Он служит защитой от внешних угроз
И действует, кстати, не только на коз.

Я в детстве мечтал полететь на Луну,
Чтоб Лунную слушать сонату,
И если однажды случайно усну
На вечные веки когда-то,
Желаю зарытым быть прямо в луну
На десять советских штыков в глубину.

Я пишу тебе вилами по воде,
Потому как в себе далеко не весь,
Я не знаю, с кем ты сейчас и где,
Знаю лишь, что ты не со мной и не здесь.

Нас накрыла с тобой череда разлук,
Между нами легло стоицот дорог.
Кто целует теперь твои пальцы рук?
И при этом стрижет тебе ногти ног?

Сторонюсь я с детства красивых фраз,
И во мне гражданин сильнее, чем поэт,

Но отдал бы жизнь, чтоб увидеть хоть раз
В запыленном окне твой родной силуэт.

Я покурю еще, а ты приляг,
Прикрой глаза и поминай как звали,
Тот наш с тобой томительный медляк
В облупленном алушкинском курзале,

Куда, на входе приплатив чуток,
«Хирсы» пузырь смогли мы притаранить.
Как ты сказала? Маленький цветок?
Да, точно он. Ну, у тебя и память.

А я уже не помню ни черта,
Ну, разве если только «Кукарачу»,
Как, как еще раз? Та-ту-та
Та-та- ту-та. Блять, я сейчас заплачу.